

Философия П права

№ 5 (66)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год
Свидетельство о регистрации
№ 019290 от 30 сентября 1999 г.

2014

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по философии, социологии и культурологии, праву, политологии

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И РУССКИЕ ТРАДИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зелинский В. Е. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРИНЦИП ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ П. И. НОВГОРОДЦЕВА	7
Фоминская М. Д. ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА	11

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Овчинников А. И. ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ	15
Напалкова И. Г., Власова Г. Б. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ: ПОДХОДЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ	19
Мамитова Н. В. К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	23
Анисимов П. В. К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРЕЗУМПЦИИ КАК СРЕДСТВЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	25
Болдырев С. Н. ОТСЫЛКА КАК ПРИЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ	27
Вардамян А. В., Мельникова О. В. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ	30

Макеев В. В., Толдиев А. Б. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	34
Григорьев Е. В. КОНСЕРВАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ЧАСТЬ 2)	38

ФИЛОСОФИЯ, ПРАВО, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

Напалкова И. Г. ПРАВОВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ	42
Шхагапсоев З. Л., Голяцких Н. П. МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	45
Рассказов Л. П. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ. ВЛИЯНИЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ НА ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН И ИСЛАМИЗАЦИИ НА СТРАНЫ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ	51
Дидык М. А. ОБ ИСТОКАХ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ М. К. ПЕТРОВА: ФОРМАЦИОННЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ	54

ПРАВО, ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ

Працко Г. С., Зелинский В. Е. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	60
Пономарев Е. Г., Дудченко Ю. Л., Рассказов В. Л. ВНЕСУДЕБНЫЕ РЕПРЕССИИ КАК МЕРА БОРЬБЫ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	62
Небрятенко Г. Г., Анисимов П. В. ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ИДЕАЛА	67
Анисимов П. В., Чикильдина А. Ю., Працко Г. С. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ	69
Рассказов Л. П., Рассказов В. Л. РОЛЬ ШАРИАТА И АДАТА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ	73
Мордовцев А. Ю. ОСОБЕННОСТИ И ТЕХНИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В УСЛОВИЯ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА	77
Маптул Г. А. ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	82
Макеев В. В. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ НА ДОНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	88
Радачинский Ю. Н. К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ИДЕАЛА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА	91

3. Сборник документальных материалов / под ред. Ш. В. Цогарейшвили. Тбилиси, 1953.
4. Насардинов С. Чечня: мифы о религии и политическая практика. Россия и мусульманский мир // Бюллетень реферативно-аналитической информации. 1996. № 4(46).
5. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009.
6. Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1977.
7. Коран. Сура 2, аяты 163, 168. М., 1990.
8. Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882–1883.

9. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
10. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.
11. История советской Конституции (в документах), 1917–1956 годы. М., 1957.
12. Сталин И. В. Сочинения. М., 1946–2006. Т. 11.
13. Фадеев В. Н. Криминологические аспекты традиционализма и профилактика совершаемых на его почве преступлений. М., 1992.

А. Ю. Мордовцев

ОСОБЕННОСТИ И ТЕХНИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

В статье исследуются особенности историко-политического толкования Конституции России в рамках широкого правокультурного и исторического дискурсов, выявляются юридико-технические и методологические особенности его проведения, ставится вопрос о соотношении фактической и юридической Конституции на рубеже XX–XXI веков.

Ключевые слова: историческое толкование, конституция, юридическая техника, правовая культура, государственная власть, права, обязанности, элиты.

Ясно, что в период постоянного совершенствования юридической техники проблема толкования нормативных правовых актов также получает новое видение и различные варианты решения. В общеисторическом контексте техника толкования права, наверное, в большей мере, чем искусство правотворчества и правоприменения, привлекала внимание разных субъектов правовых отношений. Свои исследования ей посвящали как античные мыслители и средневековые экзегетики, так и современные специалисты в области философской и юридической герменевтики, занимающиеся не только определением методов толкования «писаных» законов, но и в целом интерпретацией должного и сущего в национальном и международном правовом пространстве.

Трудно спорить и с тем, что разные виды интерпретации нормативно-правовых актов являются (или, по крайней мере, должны быть таковыми) неотъемлемым компонентом и правотворчества, и правоприменения, причем не только в западных правовых семьях, но и в иных типах организации правового пространства. Так, уже в XX веке мусульманский судья руководствовался не предписа-

ниями (канонами) [1] Корана как таковыми, но прежде всего их доктринальным истолкованием.

В целом проблема толкования права – это многомерное явление, сопряженное с содержанием правового сознания, правового мышления, общей и правовой культуры индивида, особенностями его деятельности в условиях конкретной правовой и политической жизни. Полагаем, следует согласиться с Т. В. Кашаниной в том, что «способы толкования – это совокупность мыслительных операций или специальных приемов выяснения воли правотворческого субъекта, содержащейся в нормативном акте» [2, с. 347].

Если такие способы толкования содержания нормативно-правового акта, как грамматический, логический, систематический, стоят на «твердых» научных (лингвистических и формально логических) основаниях, то вряд ли это же можно утверждать относительно исторического, телеологического и функционального вариантов интерпретации «воли правотворческого субъекта».

В частности, Т. В. Кашанина считает, что «историческое толкование предполагает уяснение смысла нормы права с опорой на знание фактов, связанных с историей возникновения толкуемых

норм... Понятно, что эти сведения из текста толкуемого нормативного акта получить нельзя, следовательно, придется использовать источники, лежащие за пределами системы права: проекты нормативных правовых актов... доклады и содоклады, выступления в прениях...» [2, с. 352], а также (обратим особое внимание) разные юридические концепции, теории, подходы.

Причем в отечественной правоинтерпретационной традиции, как, например, показал опыт 90-х годов XX века – наиболее сложный, конфликтогенный, а поэтому неустойчивый в политико-правовом и социально-экономическом плане этап развития переходного государства, востребованной моделью исторического толкования правовых норм стало их погружение в различные типы правового понимания.

В целом же в этот период выстраивался особый дискурс исторического (или историко-политического) толкования права, включающий близкий для субъекта этого процесса вариант понимания природы права, закона, законности и правового порядка, его представления о ценностях и целях правового регулирования (особенно в условиях обновляющегося государственно-правового пространства), о целесообразности* [3, с. 17], логической и фактической необходимости тех или иных действий представителей властных элит и другие.

В итоге в контексте хаоса и нестабильности переходного периода национальной государственности возникает реальная опасность злоупотребления историческим способом толкования правовых и тем более конституционно-правовых норм, необходимость интерпретации которых «подчас связывают с общей потребностью толкования права... Данный вид интерпретационной деятельности определяется как конституционная герменевтика, которая является эндемической для большей части современных индустриальных демократических государств...» [4, с. 623].

Сведение же всей конституционной герменевтики в условиях права и государства переходного типа к историческому толкованию положений Основного закона может привести к деформации законности и правового порядка, а также к снижению легитимности не только Конституции, но и всей системы действующих в стране нормативно-правовых актов.

Так, В. Н. Кудрявцев (что называется по горячим следам) писал: «Как известно, деятельность Съезда народных депутатов и Верховного

Совета РФ была прекращена вопреки тексту Конституции. И здесь сразу возник острый практический вопрос о расхождении закона и права. Можно ли юридически оправдать действия Президента и Правительства? Новая теория быстро нашла выход: средства массовой информации объяснили, что Конституция – это «плохой закон» и что есть некое хорошее, подлинное право, которое стоит выше всяких законов...» [5, с. 5]. Очевидно, что представители новой «некоммунистической» властной элиты так и не смогли выбраться из лабиринта историко-правового толкования, они заблудились в процессе поиска «целесообразности» своих действий в российском правовом поле в конкретную историческую эпоху.

В юридико-техническом плане стоит обратить внимание на искусственный и весьма условный характер различения историко-политического, телеологического и функционального толкования, которые, как показывает интерпретационная практика, неразрывны друг с другом (вряд ли для уяснения смысла нормы права логично отрывать «историю ее возникновения» (историческое толкование) от «условий, в которых эта норма права функционирует» (функциональное толкование). Поэтому не случайно многие современные авторы ограничиваются выделением исторического (В. Н. Дмитрук и другие) или историко-политического (В. Н. Протасов, Л. П. Рассказов, А. В. Осипов и другие) вида толкования права.

20-летие российской Конституции является еще одним поводом не только для общего анализа содержания ее статей, особенно в плане выявления «успехов» или «неудач» их действия в отечественном государственно-правовом пространстве, но и для историко-политической (конечно, в отмеченной здесь широкой трактовке этого способа, являющейся, по сути, *социально-политической*) интерпретации ее социокультурной праворегулятивной природы, национальной и нормативно-регулятивной специфики. Нерешенность этих вопросов в современной российской правовой литературе очевидна: большинство научных статей, докладов, монографических исследований, вышедших за последние годы, было посвящено юридико-техническим либо политическим проблемам конституционализма на рубеже XX–XXI веков, осмыслению места и значения Основного закона в государственном строительстве, критическому анализу советских конституций, на

* «В переходный период велика опасность подчинения законности целесообразности, а права политике. И эта тенденция действительно представляет угрозу правовому порядку и самому существованию правовой системы.»

фоне которого и «высвечивался» прогрессивный характер Конституции 1993 года и т. п.

На правокультурную же, правоментальную и историческую «подкладку» этого, безусловно, важного и знакового в истории постсоветской государственности документа (за редким исключением) никто не обратил внимание, не подверг скрупулезному изучению архетипические, социальные, культурные основания действующей Конституции, другими словами, не провел ее «этнокультурную экспертизу».

Однако имели место и упомянутые нами исключения.

Так, например, Ю. С. Пивоваров серьезно полагает, что Конституция РФ «соответствует нашей политической ментальности». М. Ю. Урнов придерживается иного мнения и считает, что «... между идеями, содержащимися в Конституции, и нашей ментальностью лежит глубокая пропасть. Конституция, при всех ее недостатках, основана на либеральных ценностях... Что же касается массового сознания, то оно в настоящее время пребывает во власти глубочайшего авторитарного синдрома... Избавление общества от авторитарного синдрома и правового нигилизма и приближение правосознания к фундаментальным идеям Конституции может быть обеспечено... только системным совершенствованием институтов власти и повышением правовой культуры» [6, с. 61].

Конечно, трудно спорить с первой частью суждений М. Ю. Урнова, но сделанные им выводы в принципе повторяют уже ставшие привычными социальные мифы: а) исторически «укорененный авторитарный синдром» россиян; б) необходимость «переделки» национального политического и правового сознания (культуры, ментальности) под букву и дух «прогрессивной» Конституции России. Подобные предложения можно увидеть и у других исследователей. «Разумеется, никакая, даже самая совершенная конституция не создаст нового общества в России. Для этого нужно прежде всего кардинально изменить российский менталитет...» [7, с. 11].

Большой интерес представляют суждения одного из авторов Основного закона России С. М. Шахрая, который в полной мере справедливо указывает, что «Конституция – это не просто юридический текст. Конституция – это сложный, живой, постоянно работающий механизм... Конституция создает необходимые условия и одновременно разумные ограничения для свободы общественного и политического творчества. Это в свою очередь помогает постоянно адаптировать практику государственного и общественного

управления к новым вызовам современности... А способность эффективно отвечать на вызовы, не изменяя самим себе, своей истории и своей культурной матрице, лежит в основе успешного развития и успешной конкуренции всех социальных систем...» [8, с. 14–15].

Однако несколько ранее по тексту он отмечает, что «исторически сложилось так, что первые пять-семь лет после принятия Конституции 1993 года главным критиком нового Основного закона была именно Государственная Дума, что серьезно тормозило претворение многих конституционных положений в жизнь... В таких условиях в середине 1990-х годов главным инструментом для продвижения идей и принципов Конституции стали Конституционный суд Российской Федерации и глава государства. Это были два института, которые сыграли, как сказали бы наши зарубежные коллеги, контрмажоритарную роль. «Контрмажоритарный» институт – это институт, который может законно противостоять воле большинства» [8, с. 13–14].

С. М. Шахрай подробно не останавливается на рассмотрении и анализе причин, приведших к такой ситуации в российском политико-правовом пространстве в первой половине 90-х годов XX века. Однако некоторые из них представляются вполне очевидными: стремление «продать» заимствованные политико-правовые нормы и институты в ткань национальной политической системы и тем самым пойти по пути «опережающего развития», когда институционально-нормативная основа создается раньше, чем этого требуют объективные процессы развития переходной и нестабильной экономической и политической системы, что, безусловно, приводит к отторжению многих конституционных положений со стороны, казалось бы, наиболее демократического органа государственной власти 90-х годов – Государственной Думы РФ и в конечном счете порождает отмечаемые С. М. Шахраем контрмажоритарные меры, проявляющие стремление ряда представителей национальных властных элит к быстрому и механическому навязыванию России чужеродного политического и юридического мира.

Наверное, в период «проталкивания» либеральной модели реформирования в постсоветской России вряд ли кто-либо (в высших эшелонах власти) всерьез задумывался о том, что формирование, распространение, диффузия типов (или образцов) правовых институтов и государственной власти идет далеко не в прозрачной среде, «с чистого», готового к любым рецепциям правосознания (конечно, в широком неопозитив-

стском его понимании), а в очень насыщенной и даже «туманной» сфере мощного «поднормативного регулирования» – обычного, традиционно, религиозного, корпоративно-общинного и других. Простое наращивание формально-правовых конструкций, постоянное увеличение нормативного массива, количества разных законов не приводят к ощутимым положительным изменениям, а часто вообще выхолащиваются и сводятся к простому декларированию и пустым пожеланиям. Вместе с тем наивно рассчитывать, что при столкновении закона и жизни, устоявшихся в социуме представлений, ценностных ориентаций и коррелирующих с ними потребностей и интересов граждан и их групп обязательно «победит закон».

В. Н. Синоков по этому поводу справедливо отмечает, что кризис духовности, преступность, насилие, потеря смысложизненных ориентиров, упадок морали в западноевропейских странах прогрессируют на фоне великолепно разработанных формально-юридических систем, которые при всем их логическом совершенстве и рациональности «по своей эффективности и человечности подчас не могут сравниться с “простыми” – традиционными, обычными, нравственно-религиозными микроправовыми регуляторами» [9, с. 52–53].

В целом же в общем теоретико-методологическом ракурсе рассмотрения правокультурной и исторической природы Конституции России необходимо выделить несколько важных (узловых) для сближения фактической и юридической конституций моментов:

1) обеспечение реальности правоинформационного процесса: властные элиты должны стремиться донести до сознания большинства населения конституционно-правовую информацию, знание базовых конституционных норм, порожаемое прежде всего через процесс качественно-го толкования последних;

2) возвращение к вопросу о формировании морально-нравственного фундамента, необходимого для усвоения конституционных положений в современном российском обществе, причем с учетом его исторических, социокультурных, ментальных и иных основ, незыблемых устоев;

3) через эффективно работающие институты образования, воспитания (в хорошем смысле идеологический механизм) осуществление системы мер по созданию российской властной элиты, мыслящей в лучших национальных государственно-правовых (да простят меня либералы) державных традициях, а в идеале являющейся их носителем и источником распространения.

Это общее стратегическое направление развития российского конституционализма, в полной мере согласующееся с принадлежащей Ю. М. Лотману философской концепцией «семиосферы», в рамках которой ученый показывает влияние социального пространства на содержание, а главное, функционирование моделей, которые были либо созданы в его рамках, либо привнесены в него в силу действия разных факторов. Если же Конституция России суть нормативно-правовая, политическая и социально-экономическая модель отношений в постсоветский период развития национальной государственности, то в качестве «семиосферы» выступает взятое в своем диалектическом и временном единстве отечественное правокультурное, культурно-историческое, политическое и другое пространство.

В таком контексте уже не выглядит чем-то случайным то, что еще В. Соловьев «видел в государстве не юридическое лицо, а “общественное тело с определенной организацией, заключающее в себе полноту положительного права или единую верховную власть”». Причем три различные власти государства, законодательная, судебная и исполнительная, правильно должны быть дифференцированы и разделены, но в то же время сведены к высшему единству через одинаковое их подчинение единой верховной власти. И это обозначение им государства как тела, а не как лица, было не случайно и не бессознательно» [10, с. 218].

В свою очередь, А. Г. Дугин, яркий представитель российского неоевразийства, пишет: «Пункт о “разделении властей”, ставший ключевым моментом европейской демократии, также ставит перед собой *отрицательную* задачу: расщепление власти на отдельные составляющие призвано не только разделить их между собой, но и оторвать весь властный организм от интеграции в духовную целостность... *Властелин в традиционном обществе – тот, кто преодолевает всякое разделение...* и полнота власти призвана подчеркнуть эффективность этого преодоления... “Разделение властей” на исполнительную, законодательную и судебную, которые обязаны всячески ограничивать и контролировать друг друга, призвано закрепить “контрактный” характер власти в парадигме Нового времени, приблизить носителей властных полномочий к статусу “временных управляющих”, менеджеров, нанятых по контракту и подотчетных “акционерам”» [11, с. 284–285].

Есть и другой, имеющий прямое отношение к Конституции России, точнее – содержанию и смыслу ряда конституционных норм, аспект. Так, ст. 10 Конституции устанавливает, что «государственная

власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Выделенная здесь статья в принципе воспроизводит хорошо известную американскую модель разделения властей (концепцию Ш. Монтескье и политическую практику федералистов, возникшую еще в период формирования США). Далее ст. 11 (ч. 1) Конституции фиксирует: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». Однако в предыдущей 10 статье власть Президента не отмечена. Это, очевидно, уже четвертая ветвь власти, либо Президент как глава государства не входит ни в одну из ветвей власти и находится *над* ними, но тогда можно ли считать, что если Президент «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» (ч. 2 ст. 80), «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» (ч. 3 ст. 80), то он и есть реальный (персонифицированный) «носитель верховной власти», равновеликий многонациональному народу России – носителю суверенитета и единственному источнику власти (а точнее, субъекту учредительной власти)? Или стоит все же (по либерально-правовым канонам) воспринимать главу государства в качестве некоего «нанятого по контракту “супертоп-менеджера” страны»?

Кроме того, в ст. 10 Конституции говорится о самостоятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, но отсутствует принципиальное для отечественной правовой и политической культуры, правоментальных символов и ценностей положение о единстве государственной власти. В. Е. Чиркин справедливо отмечает, что «в ч. 3 ст. 5 говорится лишь о том, что федеративное устройство России основано, помимо прочего, на “единстве системы государственной власти”. Это лишь часть проблемы, хотя и очень важная, к тому же употребление слова “система” в данном контексте не очень удачно: едина власть, а организационная система состоит из отдельных частей...» [7, с. 87]. С другой стороны, даже при первом взгляде на особенности российской истории права и государства ясно, что принцип единства государственной власти в течение нескольких столетий «произрос» из нашей политико-правовой «семиосферы» и навсегда (как показывают события и процессы последних двух десятилетий) в ней закрепился.

В общем, есть пища для размышлений, тем

более что в настоящее время в России возможна только та Конституция, которая и по особенностям своего возникновения, и по своей целевой направленности, и по условиям, в которых статьи Основного закона функционируют, соответствует специфике национальной социальной и политической жизни. «Юридическая конституция должна соответствовать фактической конституции, сложившимся в обществе конституционным отношениям. В противном случае самые совершенные юридические формулы останутся не более чем фикцией» [12, с. 23–24].

В свое время И. И. Дитятин справедливо отметил: «В Московском государстве никакой борьбы не существовало: власть царя московского объединяла все и всех: тягловое население государства все шло за ним, шло неуклонно и беспрекословно; отдельные слои населения борьбы между собой не вели: не за что было вести ее в смысле западноевропейской борьбы» [13, с. 295–296].

В связи с этим закрепление публичного (конституционного) правового порядка в стране с позиций его правокультурного и исторического измерений вполне может осуществляться и в нравственных, и в религиозных нормах. «Московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины» [13, с. 295–296].

Данное утверждение выпадит вполне убедительным и верифицируется даже с современных позиций, так как, во-первых, вряд ли кто-нибудь из специалистов в области конституционного права будет отрицать наличие в мире так называемых неписаных конституций. «Есть конституции, которые вовсе не рождаются – они просто существуют... Следует подчеркнуть, что конституция не обязательно должна быть увязана с письменной формой – не говоря уже о конституционализме...» [14, с. 24–25], а во-вторых, проблема соотношения юридической и фактической конституций звучит в правовой (или в философско-правовой) науке в своем явном виде у Ф. Ласкаля, а в рамках контекстуального рассмотрения значительно раньше – в трудах Платона, Аристотеля, Цицерона и других.

В этом плане можно только удивляться позициям ряда современных авторов, продолжающих, несмотря на всю очевидность обратного, подтвержденную к тому же разными событиями на европейском и постсоветском пространствах (напри-

мер, осязаемое усиление процессов империи строительства в России после 2012 года и т. п.) «пережевывать» изрядно уже «зажеванную» либерально-фукуямовскую «жвачку» о «конце истории» и «великом разрыве», и утверждающих, что «призывы, направленные на отрицание универсальных либеральных принципов применительно к отечественной политической и правовой системе вряд ли следует признать перспективными» [15, с. 155].

В настоящее время для такого рода суждений (если, конечно, мы признаем за ними научный, а не декларативно-идеологический характер) отсутствуют как *рациональные* (всякому исследователю, хоть сколько-нибудь знакомому с принципами и процедурами формальной логики, должно быть известно, что нет более операционально сложной процедуры, чем обобщение и тем более универсализация ценностей, свойств и т. п., так как это приписывание общих предикатов бесконечному множеству субъектов), так и *эмпирические* основания (кризис классического либерализма в социально-экономической и политико-правовой сферах стран условного Запада и переход к идеям и моделям неоконсерватизма в 60–70-е годы XX века).

Литература

1. Стокьяйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.
2. Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007.

3. Сорокин В. В. О проблеме «неправа» в переходный период // Новая правовая мысль. 2003. № 1.

4. Баранов П. П., Верещагин В. Ю., Курбатов В. И., Овчинников А. И. Философия права. Ростов н/Д, 2004.

5. Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3.

6. Конституция 1993 года как план будущего для России: материалы круглого стола. М., 2009.

7. Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М., 2002.

8. Шахрай С. М. К 20-летию Конституции Российской Федерации: из истории российского конституционализма и государственного строительства // Вопросы правоведения. 2013. № 2.

9. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994.

10. Яценко А. С. Теория федерализма // Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999.

11. Дугин А. Г. Философия права. М., 2004.

12. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М., 1997.

13. Дитягин И. И. Из истории местного управления // Статьи по истории русского права. СПб., 1895.

14. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001.

15. Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. М., 2014.

Г. А. Мантул

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье автор анализирует институт собственности в Советском государстве. Отмечается, что основы гражданского законодательства определяли в качестве форм социалистической собственности государственную (общенародную) и колхозно-кооперативную собственность.

Ключевые слова: институт собственности, право собственности на землю, колхоз, кооперативные организации.

Законодательство Российской империи не выдержало испытание социально-экономической практикой, темпы развития которой оказались более высокими, чем государственная законодательная деятельность [1, с. 87]. После октября 1917 года большевики разрушают старый государственный аппарат и начинают создавать новый. При этом они исходили из марксистского положения об «отмирании» государства. Маркс и Энгельс считали, что пролетариат, сломав революционными средствами буржуазную государ-

ственную машину, будет вынужден на время создать свою собственную [2, с. 57].

Большевистская партия, провозглашавшая неизбежность победы коммунизма, ставившая задачу ломки старой государственной машины [3, с. 3], вместе с тем реализовала марксистские идеи о ликвидации частной собственности. Так, в октябре 1917 года был издан Декрет о земле, отменивший частную собственность на землю [4]. Идея национализации земли станет главенствующей для Ленина и большевистской партии в ее поли-